

История философии

53 Кант о понимании.

Автор: д-р Артур Холмс из Уитонского колледжа.

Сегодня днем мы перейдем от трансцендентальной эстетики Канта к трансцендентальной аналитике. И если этот сложный словарь вам знаком, вы поймете, что это означает переход от его исследования предпосылок, делающих возможным чувственное восприятие, к рассмотрению предпосылок, делающих возможным концептуальное понимание и суждения. Трансцендентальная эстетика — это о чувственном восприятии.

Трансцендентальный метод, который он использует, — это просто процедура отнесения всех частных случаев к содержанию опыта, чтобы выявить универсальную структуру перцептивного опыта, которая характерна независимо от всех переменных частных случаев. И вы помните, что он обнаруживает две формы чувственного восприятия: пространство, то есть мы видим вещи в трехмерном пространстве, и время, опыт приходит к нам последовательно во времени. И изучение этих чистых форм порождает математику, геометрию, науку о пространстве и арифметику, науку о числовых последовательностях, о последовательности времени.

Кант, как вы помните, также говорил нам, что восприятия без каких-либо универсальных понятий слепы. Недостаточно просто сказать: «Синее пятно сейчас», и добавить «пятно и сейчас», чтобы получить пространственно-временные качества, формы. Если вы скажете только «Синее пятно сейчас», кто-то спросит: «Что, собственно, вы пытаетесь сказать?» Потому что вы ничего не утверждаете.

Вы сейчас никак не интерпретируете синий участок. Поэтому понимание нашего опыта, интерпретация перцептивного опыта требует от нас обращения к более абстрактным общим понятиям при обсуждении его. А в трансцендентальном анализе он стремится к тем абстрактным понятиям, которые являются необходимыми предпосылками для интерпретативного понимания того, что мы переживаем, подобно тому, как формы структурируют восприятие.

Итак, категории понимания придают структуру нашему пониманию, хорошо? И поэтому мы хотим перейти к этим категориям. Теперь, когда мы к ним переходим, помните о сравнении с категориями Аристотеля, о котором я упоминал пару дней назад. Аристотель выделил 10 категорий мышления, которые также являются категориями бытия.

Кант выделяет 12 категорий мышления, но он не знает о существовании категорий бытия. Помните об этом различии. Его категории на самом деле являются ньютоновскими категориями.

Таким образом, из этого следует вывод, что ньютоновская наука имеет дело только с субъективными структурами нашего мышления, с тем, как мы структурируем мир, а не с тем, как мир устроен объективно. Говоря современным языком, он не реалист в науке, а антиреалист. Наука не рассказывает нам о реальности.

Оно рассказывает нам только о явлениях. И ещё один момент, на который стоит обратить внимание: когда он представляет нам свои категории, они образуют четыре группы по три, четыре триады, и некоторые историки указывают, что это начало гегелевской диалектики: тезис, антитезис, синтез, структурирование всего мышления и, для Гегеля, всего сущего, понимаете? Когда мы дойдём до Гегеля, мы проследим его триады: тезис, антитезис, синтез, понятия и категории. Но 12 категорий Канта имеют именно такую триадическую форму, хотя он и не рассматривает её как диалектику.

Он об этом не задумывается. Это приходит к нему позже, с Гегелем. А вот способ, которым он их находит, определяет, что это за категории, на самом деле очень прост.

Если это способы, которыми мы понимаем вещи, способы, которыми мы их классифицируем, если хотите, способы, которыми мы классифицируем свой опыт, то естественно, что если можно представить классификацию различных типов суждений, которые мы выносим, то эти суждения, вероятно, будут воплощать априорные категории. И, конечно же, именно это он и делает. Так что, если вы посмотрите на страницы 388 и 389, и я надеюсь, вы взяли с собой учебник Кауфмана.

Если нет, посмотрите на чью-нибудь другую страницу. Страницы 388, 389. Обратите внимание, что вверху страницы 388 он в четырех разделах представляет 12 различных логических типов суждений .

И, просматривая их, вы подумаете, что он, возможно, взял это из вводного учебника по логике, например, такого, какой вы использовали на курсе «Логика 243». Потому что количество суждений представляет собой три типа, о которых мы говорим в обычной логике, аристотелевской логике. Существуют универсальные суждения, частные суждения и сингулярные суждения.

Всеобщие суждения, все люди смертны. Частные суждения , сын мой, таковы. А вот это, Сократ, — единственное суждение.

Итак, это три разные количественные категории. Понятно? Тогда давайте посмотрим на качество, утвердительное и отрицательное, или неопределенное. Термин «бесконечный» кажется не совсем подходящим, неопределенный, да или нет, возможно.

Утвердительное и отрицательное. Все А — это В, ни одно А не является В; утвердительное, отрицательное. В логике мы говорим о реляционных суждениях: категорическом суждении — все люди смертны; гипотетическом суждении — если ты критянин, ты лжец; и дизъюнктивном суждении — либо ты лжец, либо нет.

А те из вас, кто знаком с логической символикой, понимают, что это три типа вещей, которые мы обозначаем символически, так что Р и Q — это конъюнкция двух вещей, понимаете? Р — это подкова, Q — это гипотетическое утверждение, если Р, то Q, а Р — это дизъюнкция, либо то, либо другое. Понимаете? Так что, логическая форма, логическая форма, он говорит о логической форме суждений.

А затем модальность, опять же, означает, что что-то проблематично, или это просто утверждается, или это аподиктично, то есть это доказуемо необходимо. Таким образом, модальность говорит: «возможно», «есть», «должно быть», понимаете. И мы видим это даже в наклонениях глаголов при изучении языка.

Это может быть сослагательное наклонение, оптативное наклонение, изъявительное наклонение, а также, безусловно, третий вариант. Таким образом, каждый из них имеет свою форму, свою структуру, свою логику. Каждый из них, помимо конкретного предмета суждения, воплощает в себе некоторую абстрактную идею.

Итак, что же это за абстрактные идеи, эти категории? Вы найдёте это внизу страницы 389, где он определяет категории, принятые в суждениях. Категории, опять же, количества, качества, отношения и модальности. Вам не нужно запоминать все 12, но хотя бы эти четыре запомните.

Количество, качество, отношение, модальность. Идея единства, множественности, целостности — это абстрактные идеи. Идея отношения субстанции и акциденций — да, акциденции, присущей субстанции, качеству, различию между субстанцией и качеством.

Причина и следствие, и взаимность, и причина, и следствие. Таким образом, концепция причины и следствия, о которой он нам говорил, что ее интересует, возникает именно здесь. Это априорная концепция.

А затем в рамках модальности рассматриваются такие понятия, как случайность и необходимость, возможность и необходимость, а также существование. Это категории, которые, в некотором смысле, восходят к мышлению Аристотеля, тесно связаны с ньютоновской и локковской философией. И к этим понятиям Юм относился довольно скептически, если говорить об эмпирическом или априорном знании.

Вот так он до них и добирается. Всё довольно просто. Но прежде чем мы пойдём дальше, я хочу, чтобы вы обратили внимание ещё на одну вещь, которую он говорит в пунктах 388 и 389.

Во второй колонке из 388, ближе к низу колонки, обратите внимание на следующее. Далее мы увидим, что синтез в целом, синтезирующее, объединяющее наше мышление, является результатом того, что я называю способностью воображения, слепой, но незаменимой функцией души. Без которой мы не имели бы никакого знания, но о существовании которого мы едва ли осознаём.

Воображение необходимо для познания. Теперь снова взгляните на 389, на тот первый большой абзац в первом столбце. С помощью анализа различные представления объединяются под одной концепцией.

Но как подвести под понятия не сами представления, а чистый синтез представлений? Именно этому и учит трансцендентальная логика, то, чем он сейчас занимается. Первое, что должно быть дано нам априори, ради познания всех объектов, — это многообразие чистой интуиции, пространства и времени.

Второй аспект — это синтез... Ладно, опять же, воображения. Это совершенно иное понятие воображения, чем то, которое мы имели у Гоббса и Локка. Их воображение заключалось просто в наличии мысленных образов, понятно? То есть, образов, которые остаются в памяти, запоминаются.

Образы, которые вы мысленно создаете в своем воображении, образы, чувственные образы. Кант говорит не об этом. Он говорит о некоем образном способе, с помощью которого разум объединяет все воедино в единое поле понимания, которому, возможно, не существует ничего подобного вовне.

Понимаете? Мы создаём свой собственный организованный мир; мы его себе представляем. Это начало романтического понимания воображения. В эпоху Просвещения воображение — это просто наличие чувственных образов.

Это творческий процесс — построение мира в уме. Что касается Канта, то существуют универсальные принципы, которые способствуют построению единого мира в уме. Эти категории.

О, и ещё кое-что. Но, по крайней мере, эти категории. Так что имейте это в виду, если вы... Имейте в виду, я не хотел, чтобы это была игра слов.

Но, пожалуйста, оставьте это здесь. На этом мы, собственно, и остановились в определении категорий. Есть вопросы? Комментарии? Да.

Хорошо, вы упомянули романтиков, и если Кант... Какова была концепция Канта... Какова была концепция романтиков... Говорили ли романтики, что не существует универсальных категорий воображения? О, романтики не так сильно интересуются категориями. Особенно логическими, рациональными категориями. Их интересуют творческие ресурсы человеческого разума, человеческого духа.

Они дополняют работы Канта, выступая против представления о том, что мы по своей сути рациональные существа. Понятие господства разума, которого Кант по-прежнему придерживается, отвергается, понимаете. Для романтиков нами не управляет то, что мы знаем.

Романтики все больше подчеркивают, что мы — эмоциональные существа, существа, обладающие чувствами, воображением, творческими способностями. Таким образом, Кант является переходной фигурой в том смысле, что, во-первых, он отходит от представления о нас как о беспристрастных наблюдателях, а во-вторых, переходит к представлению о нас как о творцах нашего мира опыта. Коперниканская революция.

И во-вторых, в том, что он вносит подобные изменения в то, как он использует термин «воображение», что становится решающим в языке романтизма. Понятно? Дэвид? Этот вопрос вчера поднимался в школе, но я думал о... Мне кажется, формы тоже совпадают. Да.

И формы, и категории являются априорными предпосылками. Иными словами, наше чувственное восприятие работает таким образом, что мы структурируем все чувственные впечатления пространственно и временно. Теперь, когда вы говорите о пространстве и времени в нашем сознании, это не врожденные идеи или самоочевидные понятия.

Нет. Это всего лишь функциональные принципы. Так функционирует разум.

Дело не в том, что мы начинаем с концепции пространства или времени. Скорее, когда вы начинаете анализировать то, как вы воспринимаете вещи на самом деле, вы начинаете понимать, что воспринимаете их пространственно и временно. И говорите себе: «Подождите-ка, я этого не понял из исходных данных».

Вероятно, мой разум повлиял на такой подход. То же самое и с категориями, понимаете. Вы же не просматриваете в уме свой список категорий и не спрашиваете себя: «А теперь давайте посмотрим, нужна ли мне в данном случае категория количества, качества, отношения или модальности?» Нет, вы даже не осознаёте их существования.

Но если взглянуть на наше понимание, на структуру, на логическую структуру наших суждений, то становится ясно: нет, подождите, я не получаю такого структурирования вещей из опыта. Я не сталкиваюсь с гипотетическими ситуациями. Гипотетическая ситуация — это та форма суждения, которую я получаю.

Это мой способ интерпретации происходящего. И поэтому вы осознаёте их только в процессе работы. Вы осознаёте их функционирование.

А затем вы отступаете назад и абстрагируетесь от этого. Это формы чувственного восприятия. Теперь, если вы понимаете, что делает Кант, вам не нужно останавливаться и говорить себе: «Я должен это запомнить, всего две формы пространства и времени».

Это единственные два варианта. Нет, вам не нужно себе это напоминать. Просто посмотрите на своё собственное восприятие.

И вы сразу понимаете, почему он говорит: «Только два». Потому что их всего два. Видите? Он делает этот вывод, исходя из очевидного описания того, как мы воспринимаем вещи.

Мы воспринимаем вещи в пространственных отношениях, и мы воспринимаем вещи во временных отношениях. А, понятно. Что касается остальных двенадцати категорий... Да, не остальных двенадцати, а именно двенадцати.

Да. Кант считает, что они имеют определенные основания или определенное применение только тогда, когда в них присутствуют эти интуитивные представления, которые затем отделяются. Да.

Эти понятия без восприятия пусты. И он говорит, что старая метафизика, или, если уж на то пошло, старая метафизика, занимается наукой, не прибегая к восприятию, верно? Да. Только с понятиями, и он собирается проанализировать, можно ли заниматься только понятиями.

Если речь идёт о метафизике рационалистов и их врождённом знании, то это попытка разобраться с понятиями, лишёнными перцептивных ощущений. Если же эмпиристы занимаются только чувственным восприятием, то они пытаются

разобраться с перцептивными ощущениями без понятий. Поэтому, когда он говорит, что понятия без перцептивных ощущений пусты, он говорит рационалисту: « Ты не можешь этого сделать» .

И когда он говорит, что восприятия без понятий слепы, он обращается к эмпиристу: вы не сможете этого сделать. Ни один из видов метафизики не работает. Да.

Невозможно обладать эмпирическими знаниями без интерпретационных концепций. И невозможно обладать априорными знаниями без эмпирического опыта. Скажу так.

Мы сравнили формы и категории с линзой. Вы видите линзу? Нет. Вы видите сквозь линзу.

И вы осознаёте наличие линзы и то, что используете её, только когда снимаете её. Так что вы не замечаете линзу. Она не давит на нос так сильно, как очки.

Вы просто этого не осознаёте. Понятно? Это помогает? Да, поэтому постарайтесь избегать утверждений о том, что вы говорили о группировке слов , и постарайтесь избегать утверждений о том, что формы и категории являются врождёнными. В платоновском понимании это не так.

В понимании Декарта — нет. В понимании Лейбница — нет. Да.

Старайтесь избегать утверждений, что они приобретенные. Потому что в обычном понимании обучения на собственном опыте это не так. Они могут быть распознаны и выявлены в ходе опыта, обнаружены, но их обнаруживают уже на этапе функционирования.

Карл? Да, я думаю, ответ — вернуться к Юму. А без такого подхода, как концепция причины и следствия, можно ли познать какие-либо факты за пределами нынешнего опыта? Нет. Ваше восприятие без концепции причины и следствия слепо; вы ничего не можете знать, ничего не можете увидеть.

Это само собой разумеется. Нет, нет. Нет, на данный момент, ну, позвольте мне вернуться к вашему первому вопросу.

Ваш первый вопрос: как мы узнаем о существовании линзы, если вы ее не видите? На что простой ответ: это не эмпирические объекты. А более сложный ответ: разве вы не помните, что вам говорил Юм? Да, сэр. Юм говорил вам, что без линзы причинно-следственной концепции вы ничего не можете познать за пределами настоящего опыта.

Итак, какой был второй вопрос? Как, рассматривая случай, отделить то, что является линзой, от того, что является случаем? Трансцендентальным методом. Допустим, вы пытаетесь запечатлеть это в момент действия. Как вы это делаете? В случае чувственного восприятия вы отбрасываете, исключаете все детали чувственного опыта, все частные качества и так далее, и спрашиваете: что остается? И вы обнаруживаете пространственно-временные формы.

Понимая это, вы рассматриваете различные типы логического мышления и отбрасываете все детали того, о чем думаете. Что остается? Ничего. Используются определенные логические концепции.

Там функционирует концептуальный аппарат. Хорошо, он всё ещё не удовлетворён тем, что этого достаточно. И на то есть две причины.

Во-первых, к нам поступает множество чувственных ощущений через пять разных органов чувств. В результате наши восприятия настолько фрагментированы по своим источникам, но в то же время каким-то образом объединены в нашем опыте. Поэтому вам нужно объяснить единство наших восприятий.

Единство поля восприятия. Понятно? Во-вторых, хотя у вас есть формы восприятия, категории понимания, что их объединяет? Как они встречаются? Это кантовский эквивалент проблемы разума и тела. Восприятия, которые поступают в разум, и затем понимание, которое их обрабатывает.

Восприятия носят частный характер. Категории универсальны. Как они объединяются? Именно об этом он говорит в своей концепции схематизма понимания.

Хорошо? Итак, это единство восприятия, и оно связано с объединением восприятия и мышления в понимании. Хорошо? Теперь это фрагмент, который я, давайте посмотрим, я не просил вас пересказывать, но он чрезвычайно важен для завершения истории и для некоторых вещей, которые из нее вытекают. Что касается объединения опыта, то его первоначальное утверждение находится на странице 391.

И я хочу, чтобы вы на это взглянули. Это второй абзац на странице 391, в первой колонке, где он говорит следующее: если бы каждое отдельное представление существовало само по себе, хорошо, каждое отдельное чувство, идея, чувство, идея, простая идея, если бы каждая простая идея существовала сама по себе, изолированно, отделенная от других, то ничего подобного тому, что мы называем знанием, никогда не могло бы возникнуть, потому что знание образует целое из представлений, связанных друг с другом. Итак, как же вообще перейти от простых идей к сложным? Юм говорил о принципах

ассоциации, психологической ассоциации, сходства, смежности, причины и следствия.

Что скажет Кант? Ну, он говорит, что я приписываю чувствам краткое изложение. Краткое изложение — это совместное видение. Опис — от оптического.

Синопис — это совместное восприятие. Я приписываю чувствам способность воспринимать всё вместе, потому что в их интуиции содержится нечто многообразное, соответствующее этому, всегда в виде синтеза. Восприимчивость делает знание возможным только в сочетании со спонтанностью.

Эта спонтанность проявляется в трех аспектах, которые неизбежно должны присутствовать в любом виде знания. Во-первых, это восприятие, синтез, который есть восприятие, постижение. То есть, осознание, постижение как единое целое.

А постижение происходит через представления. Постигание представлений как модификаций души в интуиции, древнем и пронизательном. Во-вторых, их воспроизведение в воображении.

И снова это забавное слово. Воспроизведение их в воображении. И звучит это так, будто это старое значение этого слова.

Когда вы воспроизводите что-то в воображении, это звучит как воспоминание. И третье — это распознавание понятий. Таким образом, у вас есть синтез восприятия, синтез воспроизведения, синтез распознавания.

На следующих страницах он подробно рассматривает каждый из этих аспектов. Понимание заключается в осознании представлений в форме времени. Иными словами, вы воспринимаете вещи как временное единство.

Помните «брр, брр, брр»? Вы слышали это как три, но на самом деле это было одно целое. Временное единство. И особенно когда я ускоряю темп, «брр», вы слышите это как одно целое.

Или, если прислушаться, то, может быть, три, а может быть, и четыре. Таким образом, в процессе восприятия происходит синтез. В форме времени.

Теперь перейдем к воспроизведению (стр. 392). Воспроизведение посредством воображения. Да, и он апеллирует к ассоциации идей посредством воображения.

Воображаемая ассоциация идей. Потому что, если вы попытаетесь воспроизвести тот звук, который я издал, вы должны сначала представить его, прежде чем воспроизводить. Это воображаемое воспроизведение.

Таким образом, воображение играет важную роль в воспроизведении этого в памяти. Понимаете ? В памяти. Или в действительности .

Воображение. И для того, чтобы связывать идеи на основе их сходства и развивать эмпирические концепции большей общности, нам необходимо помнить о других случаях , чтобы сопоставить их с этими случаями. Таким образом, воображение играет важную роль в любом обобщении.

А затем происходит распознавание понятий. Распознавание понятий. Общие понятия, необходимые для распознавания.

Конечно, эти общие понятия вытекают из категориальной структуры понимания. Теперь посмотрите на страницу 394. Там он приводит пример.

Первый полный абзац по теме 394. Никакие знания невозможны без концепции. Какой бы неясной и несовершенной она ни была.

Понятие всегда является чем-то общим, что может служить правилом. Таким образом, вы измеряете сложную идею, которую разрабатывали, относительно этого понятия; это и есть правило. Понятие тела служит правилом для нашего знания о внешних явлениях в соответствии с единством многообразия, которое им мыслится.

Теперь у вас складывается общее, сложное представление об этом, этом и этом. А узнавание подразумевает осознание того, что все они соответствуют правилу использования абстрактного понятия «тело». Что такое тело? Это вещь, нечто существующее, субстанция.

Посмотрите это в его списке категорий. Таким образом, концепция тела, всякий раз, когда мы воспринимаем что-то вне себя, предполагает представление о протяженности, непроницаемости и форме. Необходимость всегда основана на трансцендентных условиях и так далее.

Хорошо, теперь у вас есть это представление. Теперь у вас есть три субъективных источника, действующих в этом единстве апперцепции : восприятие, воспроизведение, узнавание.

Это механизм, работающий в уме, то, как он функционирует, создавая этот внутренний синтез. В результате этого возникает трансцендентное единство восприятия . Оно заключено во внутреннем ресурсе человеческого сознания.

Именно это и порождает в сознании Канта вопрос: что это за «я», это «я», этот разум, который объединяет? Видите ли, это старый вопрос, не так ли? Как наивно звучит сейчас Декарт со своим «я мыслю, следовательно, я существую», мыслящей штукой. Откуда он это взял? Я мыслю. Боже мой, это сложный процесс.

Понимание, воспроизведение, распознавание, формы, категории, я думаю. У меня голова болит от одной мысли об этом. Я думаю, следовательно, что? Я. Но вещь? Где же вещь во всем этом? У вас есть только механизм, функция.

Видите ? Максимум, что я могу сказать на данном этапе анализа, — по сути, говорит нам Кант, — это то, что я являюсь трансцендентальным единством апперцепции. Я — единая совокупность всех моих мыслей. Что ж, это немного лучше, чем то, что сделал старый Дэвид Юм.

Как он выразился, я — совокупность восприятий, но мне нечем их объединить. По крайней мере, для этого у Канта есть постижение, воспроизведение, узнавание и всё, что с этим связано. А позже, когда он в пятницу углубится в трансцендентальную диалектику, мы увидим, что он скажет о концепции чего-то более похожего на душу.

Но всё, с чего он может начать в отношении «Я» на данном этапе, и всё, в чём он может быть уверен на данном этапе, — это то, что «Я» — это трансцендентальное единство апперцепции. Это и есть «Я». В некотором смысле, это очень хорошо согласуется со всей традицией Джона Локка. Видите ли, с этим вопросом о личностной идентичности.

Видите ли, как я узнаю, кто я? Как я узнаю своё «я»? Что такое «я», которое я знаю? В эмпирической традиции это зависело от памяти. Видите ли, во всех моих нынешних осознаниях прошлого и настоящего это и есть «я». По крайней мере, это эмпирическое «я», то «я», которое я осознаю. Но Кант пошёл дальше.

Видите ли, это атомизированное «я». У него же единое «я». В этом смысле это большой шаг вперед. И именно благодаря априорным соображениям он может называть его единым «я». Видите ли, потому что «я» является внося свой вклад в единство. Теперь, когда я говорю «я», это... Внося свой вклад в единство, Я не просто объединяет свой мир, который оно себе представляет, создавая наш мир.

«Я» создает собственное единство. Я создаю себя. Хотя Кант так не формулирует, Сартр — да.

И Сартр умеет выражаться именно так: я создаю себя сам. Потому что Кант дал ему инструменты для этого.

Я сказал, что экзистенциализм — это побочный продукт того, чем занимается Кант. Хорошо, значит, трансцендентальное единство нашего восприятия. Да, конечно, вопрос по-прежнему в том, соответствует ли сама природа нашему образу мышления.

А теперь взгляните на его заключение к этому разделу, пункт 396. 396. Внизу второй колонки.

Звучит, несомненно, очень странно и абсурдно, что природа должна подчиняться нашим субъективным представлениям и зависеть от них в отношении своих законов. Вы помните коперниканскую революцию, которую проводил Кант, заключающуюся в том, что наше знание зависит не от того, какова природа, а природа зависит от того, что мы думаем, по крайней мере, природа для нас. И звучит, несомненно, очень странно, что природа должна подчиняться нам, а не мы подчиняем свои знания природе.

Но если мы поймем, что то, что мы называем природой, — это не что иное, как совокупность явлений, не что иное, как проявления, — это то, что мы переживаем, не вещь сама по себе, а совокупность представлений в уме, — тогда нас перестанет удивлять, что мы видим ее только через фундаментальную способность нашего познания, трансцендентное восприятие, и в том единстве, без которого ее нельзя было бы назвать объектом всего возможного опыта. Это и есть природа. Другими словами, как только вы поймете, каким образом мир природы един для нас, вы увидите, что то, что мы называем природой, соответствует нам, а не мы просто пассивно ей соответствуем.

Итак, вы предвосхищаете различие между феноменами и ноуменами. Хорошо, есть вопросы по этому поводу? В остальном я готов к схематизации. Хорошо, схематизация начинается на странице 403.

И здесь, как я уже сказал, вопрос в том, как связаны формы и категории? Ведь одни имеют дело с конкретными чувственными переживаниями, а другие — с абстрактными понятиями. Они неоднородны. И если они настолько неоднородны, есть ли у них какая-либо точка соприкосновения? Другими словами, вопрос в том, есть ли у них что-нибудь общее? Какая-либо точка соприкосновения.

В этом и заключалась проблема с шишковидной железой Декарта. Шишковидная железа — это физический объект. Как она может помочь вам установить контакт с нематериальным объектом? Вот почему шишковидная железа была такой нелепой.

Я не сказал «отвали», я сказал «отвали». Ошибка Декарта. И очевидно, Кант не хочет снова вытворять с нами что-то подобное, связанное с шишковидной железой.

Итак, вам нужно найти нечто общее между чувственностью и пониманием, между формами и категориями. Что это будет? Ну, одним словом, время. Время.

Откуда берется время? Ну, помните его рассуждения о пространстве и времени? Где пространство — это форма внешнего восприятия, а время — форма внутреннего восприятия. На языке Локка пространство — это форма ощущения, а время — форма всех наших отражений. Где ваше временное сознание? Что это? Последовательность в вашем сознании.

Вот почему время то тянется, то мчится, то замирает. Сознание времени. Мчится, тянется, замирает.

Таким образом, время — это форма рефлексивного сознания. Но, конечно, именно во внутреннем сознании, в нашем рефлексивном восприятии, мы осознаём наши понятия, абстрактные идеи. Понимаете? Таким образом, у них есть точка соприкосновения.

Время объединяет как чувственное восприятие, так и мышление. Потому что и то, и другое происходит в сознании. Таким образом, он пытается показать, что мы можем соотнести понятие времени со всеми категориями.

Мы можем соотнести понятие времени со всеми категориями. И в результате мы получаем абстракцию. Понимаете? Это можно назвать темпорализованной концепцией причины и следствия.

Разве не так мы обычно понимаем причину и следствие? Причина должна совпадать с следствием или предшествовать ему. Понимаете? Мы так думаем. А понятие субстанции — это нечто существующее.

Оно обладает непреходящей идентичностью. Непреходящей идентичностью. Непрерывно во времени.

Таким образом, эти категории в соотношении со временем предоставляют нам схему. Вот его термин. Схема.

Полагаю, это можно назвать концептуальной моделью. Концептуальной моделью. Парадигмой.

Абстракция. Что-то в этом роде. Схема.

Затем вы используете слово «схема» в каком-то другом контексте. Но посмотрите на страницу 404. 404, вверху страницы.

Там он говорит: « Дело в том, что наши чистые чувственные понятия зависят не от образов объектов, а от схем. Это множественное число от слова «схема». Ни один образ треугольника вообще никогда не может быть адекватен его понятию».

Как вы представляете себе концепцию треугольника, небольшой образ линий в вашем воображении, или вещей, которые имеют как ширину, так и длину? Линии этого не имеют. Нет, то, что вы видите, существует только в вашем сознании.

Не в чувственных образах, а в мышлении. В абстракции. И это правило синтеза воображения по отношению к треугольным вещам.

Таким образом, вы формируете мысленные абстракции, концепции. Вы вербализуете их. Возможно, вы даже сможете подобрать для них математические формулы.

Но вы их не представляете. Поэтому схемы... На странице 405 вы найдете описание различных категорий.

Схема субстанции. 405, первый полный абзац. Схема субстанции — это постоянство реальности во времени.

Представление о ней является субстратом для эмпирического определения времени в целом, которое, следовательно, сохраняется, в то время как всё остальное меняется. Поэтому мы рассматриваем субстанцию как субстрат. Это схема.

Это абстракция. А в следующем абзаце схема причины и причинно-следственной связи представляет собой реальность, которая, будучи однажды предположенной как существующая, всегда сменяется чем-то другим. Вы воспринимаете это как абстракцию.

Вы определяете причину. Определение в этом смысле подобно правилу. Модель.

Схема. И так далее, вплоть до конца. Схематизация понимания .

Итак, на странице 405, в середине страницы, он говорит, что схемы — это не что иное, как априорные определения времени в соответствии с правилами. У него есть способы мышления о времени в соответствии с правилами. И, применительно ко всем возможным объектам, они относятся в порядке категорий к рядам времени, содержанию времени, порядку времени и пониманию времени.

Таким образом, схемы — это условия, участвующие в мышлении. Схематизация понимания . Что ж, с учетом этого, раздел о явлениях и ноуменах следует очень легко.

И я бы посоветовал вам это прочитать, потому что это, по сути, заключение всего трансцендентального анализа . Заключение всего трансцендентального анализа. Основание для различения всех субъектов на феномены и ноумены.

Помните, это феномен, внешность. Для меня это самое главное. Этот звонок.

The noumena, the ding und zick . И у меня в голове все помутнело. Ding für mich.

Дзинь и цоканье , и так далее. Меня интересует именно это явление. На странице, ну, давайте посмотрим, на странице 412.

Страница 412. В верхней части второй колонки он пишет: «Если мы не хотим двигаться по постоянному кругу, мы должны признать, что слово «феномен» указывает на отношение к чему-то, непосредственное представление чего-то, несомненно, чувственное, но что, тем не менее, даже без этого уточнения нашей чувственности, должно быть чем-то само по себе, объектом, независимым от нашей чувственности. Отсюда возникает понятие ноумена» .

Видите ли, до сих пор он говорил о том, как обстоят дела для нас. Для нас, с учетом наших форм и категорий. Для нас, через призму наших взглядов.

Но как мы можем знать, что существует нечто само по себе, ноумены ? Ну, знаете, он мог бы сказать, обратите внимание на фразу ding für mich , в ней всё ещё есть ding. Он формулирует это так: если мы говорим о том, как нас бомбардируют эмпирическими данными, запутанными, сбивающими с толку, и в то же время сбивающими с толку, а с другой стороны, эти данные встречают априорные формы и категории, и в результате получается нечто, что мы можем понять пространственно, временно и так далее, то у этого явления не было бы никакого содержания, если бы не существовало нечто, что обеспечивало бы его этими данными.

Понимаешь ? Одна только форма для льда не даст тебе кубиков льда; в неё нужно налить воду, чувак. Одна только линза не поможет тебе увидеть лицо

друга. Там должно что-то быть, даже если это не совсем то, что ты видишь через искажающую линзу.

Видите ? Вы наверняка видели эти искажающие зеркала, в которые заходишь и видишь себя таким толстым, таким высоким и так далее. Предположим, существуют такие же искажающие линзы. Насколько нам известно, именно так устроена наша ментальная линза.

Так что, возможно, там есть что-то, чего я не знаю . Должно быть, там есть что-то, чего я не знаю. Это не идеализм Беркли.

Фактически, во втором издании «Критики чистого разума» он добавил раздел под названием «Опровержение идеализма», в котором он выступал против Беркли. Потому что в первом издании его обвиняли в том, что он является берклианским идеалистом. Мы сами создаём свой мир, не так ли? Нет, но вы создаёте его из того сырья, которое даёт вам реальный мир через ваши органы чувств.

Так что, что-то там есть, даже несмотря на то, как мы это себе представляем. Безусловно. Безусловно.

Итак, он не идеалист. Он феноменалист. Феноменолог не отрицает существование реальности как таковой .

Феноменолог просто утверждает, что наши знания ограничены тем, как вещи нам предстают. Он феноменолог. Некоторые отрывки при первом прочтении могут показаться запутанными, потому что он использует слово «реальность» в двух разных значениях.

Он говорит об эмпирической реальности, то есть о том, как это реально в нашем собственном опыте. Например, когда кто-то страдает от галлюцинаций, которые для него очень реальны. И эти явления очень, очень реальны для нас.

Понимаете ? Но что именно там находится, мы не знаем. Наука нам об этом не говорит. И рационалистическая метафизика тоже не может нам этого сказать.

Итак, вывод трансцендентального анализа сводится к различению феноменов и ноуменов. Теперь давайте посмотрим. И последнее слово.

Он говорит о концепции ноумена как об ограничивающей и проблематичной концепции. Это ограничивающая концепция, потому что она призвана ограничивать наши утверждения о знании. Если существует какой-то ноумен, о котором мы не знаем, то вы будете скромны в своих утверждениях относительно того, что, как вам кажется, вы знаете.

Хорошо. Значит, это ограничивающая концепция. И к тому же, проблематичная концепция.

В том смысле, что, хотя это и не противоречиво, вовсе не самопротиворечиво, вы просто не можете знать, в чем дело. Это проблема. Это проблематично.

Вот и всё, хорошо. Но что это такое, можем ли мы это узнать? Проблема заключается в том, что один из более поздних авторов назвал эгоцентрической дилеммой. Я не могу знать что-либо, не будучи вовлеченным в это «я».

Возможно, здесь лучше было бы назвать это категориально-центрической дилеммой. Я не могу что-либо знать, не затрагивая категории. Что ж, это его эпистемология.

Далее в трансцендентальной диалектике он рассматривает реальные попытки метафизики. Поэтому в следующий раз мы рассмотрим некоторые классические метафизические аргументы и то, что Кант о них думает.